

Н. А. КАРЕВ

Философия дворянина нашего времени, или Откровения Николая Бердяева о социализме, революции и пролетариате

Есть книги, изучение которых не нуждается в оправдании, и есть книги, рецензии на которые такого оправдания требуют. Новая книга г. Бердяева «Философия неравенства», явившаяся миру в издании «Обелиск» в 1923 г. в Берлине под громким подзаголовком «Письма к недругам по социальной философии», принадлежит скорее ко второго рода книгам.

Правда, это не совсем обычная книга; это — больше чем книга, это — анафема, это — откровение. По ней вы можете не только оценить прошлое, уяснить себе настоящее, но и познать будущее вплоть до того момента, когда по трубному гласу архангела закончится земная история и наступит в преображенном мире царство божие. В ней есть все: социализм, революция, либерализм, анархизм, аристократизм, культура, хозяйство, царство божие; есть все, коль нет обмана!.. Однако не эта видимая «многосторонность» книги побуждает нас братья за перо. За этим призрачным богатством скрывается немного сокровищ. Одну страницу от другой с трудом мог бы отличить и вооруженный лупой читатель, если бы они в прекрасном издании так четко не различались своими номерами.

Все «произведение» проникает одна мысль, но эта мысль, скрытая в глубине многоводного потока книги, заслуживает нашего внимания. Заслуживает и потому, что она *формально* обращена к недругам (см. подзаголовок книги), т. е. к нам, революционным марксистам, и по своему содержанию. Она не только знамение времени, но и претендует на то, чтобы быть знаменем определенного класса.

Мы должны заранее оговорить афористичность нашего изложения. Оно определяется материалом — во всяком откровении

напрасно искать систему и строгую последовательность мысли. Кроме того, с некоторыми «идеями» г. Бердяева мы уже встречались в рассмотренной в прошлом номере «Под знаменем марксизма» книжке того же автора «О смысле истории»¹. Возвращаться к ним вновь было бы слишком скучно.

Чего хочет г. Бердяев? Чтобы выяснить это, предоставим слово ему самому.

«Ныне торжествуют в мире те, которые хотели бы или совершенно опрокинуть христианство, или извлечь из него революционные выгоды, выгоды социалистические и анархические. Против этих недругов прежде всего направлена моя книга. Их хочу я изобличить, ибо в них грядущая опасность и грядущее зло. Зло прошлого, отошедшего, умершего или умирающего менее опасно. Антихрист явится в грядущем, его соблазны—грядущие соблазны человечества... Нет в мире страны, которая могла бы так легко сделаться очагом этих соблазнов, как моя страна — Россия. Вам, отравившим душу русского народа страшным ядом, вам, губившим Россию, посвящаются мои письма» (с. 60).

Посрамляя своих врагов, вместе с тем г. Бердяев хочет дать «онтологическую психологию или феноменологию общественности», «вскрыть духовные основы общественной мысли». Такова задача. Ее завершением должно быть восстание духа и чувства вечного.

Мы все, надо думать, вместе с г. Бердяевым, прекрасно знаем, что это значит. Проблема духовного восстания есть проблема подготовки восстания материального. Под флером вечного скрывается настоящее. Борьба с соблазнами антихриста в грядущем, как мы увидим ниже, есть не что иное, как борьба реакции с ветхим Адамом внутри самого христианства, процесс его очередного линяния. Всмотреться в этот процесс, понять разоблачение одних фетишей, отказ от них и утверждение других фетишей в стране фетишей *par excellence* * — должно быть нашей задачей.

Г. Бердяев прежде всего рыцарь. И дама, во имя которой он готов одеть на себя столь неподходящие его тщедушному литераторскому телу доспехи, есть религия. Его недруги — недруги его веры, «отступившие в духе своем от Христа, предающие его и восстающие на него во имя земных идолов и богов» (с. 5). Он резко отгораживается от всех тех, кто «пассивно и бессильно отдавался господствующим стихиям». К людям золотой сере-

* по преимуществу (*фр.*). — А. Е.

дины обращается он с гневной речью: «Вы заговорили чужими словами, и шум улиц и площадей почувствовался в ваших речах и статьях. Вы не обнаружили рыцарской верности и рыцарского благородства, вы оказались плебеями духа. Вы забыли вечное различие между рыцарями духа и чернью... Где же оказались ваши рыцарские доспехи в час битвы, в страшный час рокового поединка противоположностей?» Мы не знаем, под сенью какой советской канцелярии и какими пайками сохранялись в этот час рыцарские доспехи г. Бердяева. Но его воинственность и непримиримость, правда, в далеком Берлине, в настоящее время не могут в нас вызывать сомнений. Он недаром прошел некогда школу Маркса. В нем нет беспомощно-сентиментального разбавления революции под Блока или «живую церковь». «Всякая революция по природе своей антирелигиозна, и низки все религиозные ее оправдания... Революция есть свыше ниспосланная кара за грехи прошлого» (с. 8—9), в ней нечего искать осуществления религиозных идей и идеалов. Но она дает великий опыт, который каждый класс должен осознать, если хочет еще бороться за свое существование. Книга г. Бердяева не что иное, как попытка осознать опыт русской революции с точки зрения «закатывающихся» классов.

Вся книга есть отрицание настоящего во имя прошлого. И прежде всего — отрицание революции. Гипнотизирующая сила революции, пред которой невольно склоняются лица и классы, заключается в том, что, несмотря на все разрушения, она есть творческий процесс создания новых форм жизни. Задачей г. Бердяева является доказать обратное — что единственно творческим периодом в истории является реакция. «К революции ведут не созидательные творческие процессы, а процессы гнилостные и разрушительные. Чувство любви, порывы творчества, акты созидания никогда не приводят к революциям. На всякой революции лежит печать безблагодатности, богооставленности или проклятия» (с. 9). «Осуждением до революции господствовавших слоев общества бывает то, что они довели до революции, допустили ее возможность» (там же). «Революцию не делает человек как образ и подобие божие, революция делается над человеком, она случается с человеком, как случается болезнь, несчастье, стихийное бедствие, пожар или наводнение... Руководить революцией невозможно». Люди революции — ее пассивные орудия, «медиумы безликих стихий» (с. 10).

«Новая душа родилась не в Вел<икую> франц<узскую> революцию, не в Робеспьере, а после революции, в Шатобриане» (с. 11)².

Революция действительно не призвана осуществлять ни дело благодати, ни дело любви в слащаво-христианском смысле этого слова. Она творится из наличного человеческого материала, в котором, конечно, много шлака с точки зрения будущего. Но не в этом ее пафос. Ее дело — дело освобождения класса и с ним всего общества. В классовом обществе единственное подлинное дело любви есть ненависть. И тот, кто проникся ею, сделал первый шаг к новому человеку. Революция есть очищение его огнем. Но не как стихия, гроза, нежданно освещающая атмосферу, воспринимается пролетариатом революция. Менее всего он — пассивное ее орудие. *Революции делаются* в наше время. Более всего чужды идеологии пролетариата опьянение революцией, культ ее, мистификация. Пролетариат есть самый революционный класс в обществе, и поэтому он и наиболее трезво относящийся к революции класс. Для него, как класса, она — орудие, труд при помощи тончайшего и опасного инструмента, где особенно нужны глазомер и выдержка.

Наоборот, для того класса, *против* которого осуществляется революция, она — стихийное бедствие, разрушение, пожар и наводнение. Она уже ничего *для него* не может сулить творческого. Не рождается и крепнет, а умирает в ней «душа» этого класса. Так рисуется революция Бердяеву. Оба представления о революции одинаково верны, их нельзя опровергнуть одно другим, ибо они рисуют ее с точки зрения *разных* классов, противоречащих один другому.

Материальной революции Бердяев противопоставляет революцию духа. Но это свидетельствует только о том, насколько даже крайние и наиболее последовательные контрреволюционеры не в состоянии освободиться от обаяния этой исторически-прогрессивной общественной формы.

И еще более невольное подчинение чуждой себе идеологии сказывается у Бердяева, когда он от пасквиля против революции переходит к оде реакции. «Все революции кончались реакциями, — начинает он. — Это неотвратимо. Это — закон» (с. 13). Жалкий дух г. Бердяева взывает здесь к той самой закономерности, которая только что перед этим им отвергалась в революции. И когда далее г. Бердяев говорит, что именно реакция есть творческая эпоха, то он забывает просто смысл слов, которые он употребляет. Реакция есть возвращение к прошлому, воспроизведение уже созданного и пережитого, менее всего —

движение вперед, создание нового. Если эпохи реакции и делают что-либо, то лишь поскольку они сознают опыт революции, являются ее невольными детьми.

Итак, реакция неизбежна. Бердяев видит ее во сне и бредит ею наяву. Но ее удача зависит от степени ее подготовленности и твердости. Дать программу и обоснование реакции и чувствует себя свыше призванным г. Бердяев.

И здесь задача г. Бердяева прежде всего критическая — покончить с обанкротившимися в революции старыми идеалами. В этом отношении г. Бердяеву нельзя отказать в своеобразной смелости и последовательности.

«Препятствием на пути нашего зрелого национального самосознания всегда стояло русское народничество, которое в разных формах владело умами и сердцами русских людей» (с. 20). Г. Бердяев одинаково ополчается против народничества консервативного, революционного, религиозного и материалистического (?). «Всегда оно было капитуляцией нашего культурного слоя, призванного нести свет во тьму, перед необъятной тьмой мужицкого царства, всегда оно было выражением русской отсталости, русской экстенсивности, всегда означало недостаток духовного мужества». Духовное мужество г. Бердяева прежде всего направлено по линии борьбы с этим фетишем. Подумайте! Ведь «бог был подменен народом, ценности — интересами, духовные реальности — преходящими благами социальных классов» (с. 21). В чем заключаются эти «духовные реальности», мы увидим немного ниже. Сейчас уже только ясно, что дело, собственно говоря, не столько вообще в служении народу, которое у тех, кто именовался у нас в действительности народниками, было весьма платоническим, сколько в борьбе за «преходящие блага социальных классов». Здесь ударение во всей проповеди г. Бердяева. С высоты своей твердой позиции г. Бердяев готов даже третировать тех «народников», которые слишком поздно уразумели, каким огнем они играют. «Многие из вас испугались, когда давно желанная вами социалистическая революция, основанная на вами же заложенном материалистическом базисе, начала истреблять вас и выбросила вас за борт жизни. (Какое злорадство в устах «сына божия»!). Вы даже заговорили о пользе религии, которую вы всегда отрицали, и начали обращаться к церкви, которую всегда ненавидели и травили. Но слишком поздно обратились вы к помощи рели-

гии... Благодать божия не сходит на тех, которые прибегают к ней по соображениям утилитарным, из потребности к самосохранению. Нужно было раньше думать о боге и духовных основах жизни» (с. 23). Невеселая встреча ждет кающихся в Каноссе³. И убийственна для них ирония Бердяева. Мелкобуржуазные демократы былых времен должны до конца капитулировать перед махровыми реакционерами. Бердяев понимает, что они — выжатый историей лимон. Радикализм умер. «Вы, русские радикалы, многоликие и разнообразные, — самый ненужный род людей, у вас нет ничего своего. Вам наступил конец... Отныне нельзя уже будет восторгаться социализмом, как прекрасной далью... Ваше время ушло, всех вас — и социалистов, и радикалов, и либералов, и консерваторов старого типа, колеблющихся и сидящих между двух стульев. Ныне наступает страшное, ответственное время. И лишь более огненные, более глубокие идеи могут победить тьму, которой мы объаты» (с. 25—26).

И вот г. Бердяев подвергает рассмотрению традиционные политические идеалы, чтобы найти эти более огненные идеи.

Критика либерализма у Бердяева всего мягче. Здесь он рассчитывает еще на будущих союзников. Он втолковывает им, что они «лишь по непоследовательности и по поверхностности своего сознания готовы признать неотъемлемые свободы и права человека» (с. 121). Либерализм был слишком связан с просветительством, столь ненавистным больной совести буржуа. Несчастье либерализма в том, что он «порождает демократию и неудержимо переходит в демократизм... Демократия же истребляет самые основы либерализма, равенство пожирает свободу» (с. 125). Такова диалектика всех революций, и в предотвращение ее либерализм должен уйти. Суровая зима должна добить последние листки далекой весны капитализма. Тем более что «нельзя не признать, что господство отвлеченного либерализма в жизни экономической дало свои отрицательные и злые плоды» (с. 126). Манчестерство⁴ сыграло уже свою историческую роль. Больше ему делать нечего. Капитализм перешел в новую фазу своей жизни.

Если ни у кого нет уже более веры в либерализм, как свидетельствует г. Бердяев, то еще более нет этой веры в демократию. Эта историческая категория общественной жизни уже принадлежит истории. Это так очевидно в свете последних событий в Германии и для г. Бердяева и для нас, что на этом нет

нужды более останавливаться. Г. Бердяев решительно высказывается за *ценз*. Конечно, «ценз по существу своему должен быть духовным. Но, — поясняет во избежание недоразумений новоявленный пророк, — духовный ценз имеет и материальные признаки своего выражения» (с. 140). Кому не ясно, что это значит?

Центр тяжести своей несравненной критики преподобный отец сосредоточивает на социализме и пролетариате.

Еще до рассмотрения социализма Бердяев успел обмолвиться крылатой фразой о том, что «сыны революции — *parvenus*» * (с. 92). Сейчас он сосредоточивается на этом, чтобы оклеветать весь революционный класс. Вот его образ пролетариата:

«В душевном типе этого класса нет особенно высоких черт. Он унижен нуждой, он отравлен завистью, злобой и мстью, он лишен творческой избыточности. Может ли из этих душевных стихий родиться высший человеческий тип и высший тип общественной жизни. Тип “пролетария” есть скорее низший человеческий тип, лишенный благородных черт, черт свободных духом» (с. 151). К этой характеристике нечего добавлять, кроме пожелания, чтобы ее знали возможно больше рабочих.

Социализм буржуазен, заявляет г. Бердяев, так как он есть детище буржуазного общества. С большим правом мы могли бы в таком случае сказать, что г. Бердяев — обезьяна, так как в числе его славных предков были и обезьяноподобные. «Революционный социализм рабски прикован к экономической действительности, пригнут к земной юдоли, уготован необходимостью. Из горькой необходимости, а не из свободы рожден социализм», — продолжает г. Бердяев. На это мы можем только заметить, что всякая подлинная свобода опирается на необходимость. Наоборот, призрачно свободные взгляды действия г. Бердяева, как мы увидим ниже, определяются с непреложной необходимостью его дворянской породой.

«Социализм создан буржуазией, высшим культурным классом», — продолжает свое гнусное дело г. Бердяев. Маркс и Лассаль⁵ были буржуа. «Только в буржуазных классах социализм может быть благородным и бескорыстным движением человеческого духа, может быть идеей. В классах “пролетарских” социализм делается интересом, а не идеей; он роковым образом

* выскочки (*фр.*). — А. Е.

приобретает материалистический характер, в нем не может быть жертвенности. Облагородить социализм может только буржуазия» (с. 152). Может ли человек пасть ниже этой цитаты?! Кто не знает, что современный социализм был вызван к жизни ростом рабочего класса? Если на его сторону, в числе его идеологов, переходили выходцы из рядов буржуазии, то лишь потому, что на точку зрения пролетариата, как самого передового класса, толкало людей науки ее собственное внутреннее развитие, с одной стороны, и, с другой — угнетенное положение пролетариата; невозможность отдавать достаточное время умственной работе усиливали в идеологической борьбе пролетариата значение этих перебежчиков. Но разве никому не известны Вейтлинг, Прудон, Бебель⁶ и тысячи других борцов за дело пролетариата, вышедших из среды самого пролетариата? Бердяев слеп в этом отношении. Ему нужно лишь показать величие буржуазной души, хотя бы за счет тех, кто видел величайшее для себя дело в том, чтобы сбросить ее лохмотья.

Естественно, что кнут в одной руке г. Бердяева должен умеряться для видимости справедливости пряником в другой. Отрицая революцию, Бердяев высказывается (слава богу!) за благотворительность, которая облегчит извлечение жала революционного социализма. Он — тоже социалист, но христианский социалист, без социализма. Парадокс этот объясняется весьма просто. «Христианский социализм имеет, по существу, слишком мало общего с социализмом, почти ничего. Он именуется так лишь по тактическим соображениям (!), он возник для борьбы против социализма» (с. 155). Г. Бердяев ровно постольку «социалист», поскольку он борется с социализмом.

Социализм есть «сатанократия». Он есть «принудительная добродетель и принудительное братство» (с. 157). Оно противоположно большому братству во Христе. Вряд ли надо говорить о том, насколько ложно подобное понимание социализма. Ни к какому братству никого за волосы он не тянет. Он осуществляет действительное «товарищество», которое так претит г. Бердяеву и которое есть внутри рабочего класса. Врагов своих социалистическая революция менее всего тянет в социалистическое братство, она просто *уничтожает предпосылки их возможного воспроизводства*. Это прекрасно понимает г. Бердяев. Против этого-то, а не против фиктивного, навязываемого г. Бердяеву братства и выступает благородный рыцарь. «Ваш принудительный коллективизм уничтожает всякий материальный базис свободной духовной культуры», — вещает он (с. 161). Здесь зарыта собака. Во имя этого материального базиса и напяливает

г. Бердяев на свои слабые плечи рыцарские латы. Ведь известно, что рыцари поддерживали свое существование во время оно поборами и грабежами.

Наконец, г. Бердяев прибегает к решительному средству. Его аргументом против революции должно оказаться ее собственное мировоззрение — марксизм. В марксизме есть объективно-научная и субъективно-классовая сторона — поет старую песню г. Бердяев.

Объективно — признание прогрессивности буржуазии в меру роста производительных сил, субъективна — теория прибавочной стоимости и пролетарской революции. Мы знаем, что в действительности имеет место обратное: прогрессивная роль буржуазии *для настоящего* есть ее субъективная иллюзия, а пролетарская революция есть объективный факт. Но что до этого г. Бердяеву? Он слеп ко всему, что не согласно с интересами его класса.

«Неравенство есть условие развития культуры», — продолжает г. Бердяев (с. 165). Г. Бердяев вычитал это у Маркса, но не понял. Понимание класса ограничено его собственными интересами. Не понял азбуки марксизма — то, что верно для одного исторического периода, перестает быть верным для другого. Но разве истина влечет г. Бердяева?

«Во имя свободы творчества, во имя цвета жизни, во имя высших качеств должно быть оправдано неравенство» (с. 172). В неравенстве и его оправдании соль дела. Стремление к равенству — это распространение закона энтропии (!) в социальном мире (с. 24). И физические законы мобилизуются на помощь аристократии. Социализм — это атомистическое понимание общества (с. 33). Атомизм там, где есть равенство. Один атом равен другому. Почему в данном случае г. Бердяев не сочинит своей физики и химии без атомов? Потому что ему и атомы, и законы нужны лишь для его классовой цели.

Г. Бердяев за «здоровый пессимизм» в общественной науке. Ему нечего ждать от будущего. Оптимизм стал государственно-опасным для буржуазии учением. Так проходит слава мира! Оптимизм говорит о будущем, в то время как в царстве мертвых дозволено говорить лишь о прошлом.

В мире борются космос и хаос. Космос — это прошлое, хаос — это будущее. Основой прежнего космоса была идея царя (с. 19), сейчас водворить его призвана аристократия. Книга

г. Бердяева есть основание господства аристократии, «порядка». Основа порядка есть иерархия. Это — излюбленное слово г. Бердяева, суть всей его философии.

Политический идеал г. Бердяева менее всего отдает сентиментальностью или особенным человеколюбием. Мы имеем дело с матерым зубром реакции. «Бунт карается законом необходимости. И если все революции кончались контрреволюциями, иногда очень жестокими и безобразными, то это были необходимые реакции исторических реальностей» (с. 59). Не народ, а нация, представляемая ее аристократией, есть подлинно «онтологическая» категория общественности. Нации не равноправны. Они должны бороться за свои права перед лицом всевышнего, форма их борьбы есть война. Бердяев строит философско-религиозное оправдание империализма. Но война должна вестись не во имя явных, а во имя таинственных безумных целей. «Массы должны всегда участвовать в войне во имя непонятого, таинственного и иррационального» (с. 194). Пояснение к этому следует через несколько строк: «Хорошо воевать может лишь тот, в ком личность в ее отдельности угашена в мистическом (!) организме армии». Так «мистически» обосновываются обман масс, палка и затуманивание голов.

Высшим общественным классом является дворянство. «Дворянство остается во веки веков образцом более высокого качественного состояния, породы дифференцированной и выделенной» (с. 104). «Всякое желание выйти в аристократию, возвыситься до аристократии из состояния низшего, по существу, не аристократично. Возможен лишь природный, прирожденный аристократизм, аристократизм от бога» (с. 105). Какой, с божьей помощью, поворот для бывшего марксиста! Правда, через несколько страниц дело проясняется. «Я не верю в будущее дворянства как сословия и не хочу себе (!!)

как дворянину дворянских привилегий. (Какое благородство! Г. Бердяев отказывается от того, чего давно его лишили..) Но оно остается как раса, как душевный тип, как классическая форма (какой подъем!), и вытеснение дворянства как класса может увеличить его душевную и эстетическую ценность» (с. 111).

Хозяйственным строем, в котором должно осуществиться царство аристократии, должен быть «хозяйственный универсализм». Он должен опираться на незыблемость собственности. «Собственность по природе своей есть начало духовное, а не

материальное» (с. 215). Таким образом окончательно вскрывается, что значат «духовные ценности». Нельзя сказать, чтобы они были слишком «духовны». Но ведь только «частная собственность на земле делает возможной любовь к земле, к полю и лесу, вот к этому дереву, около которого сидели деды и прадеды, к дому, к воспоминаниям и преданиям, она поддерживает связь времен и поколений. Национализация и социализация земли вызывают исключительно потребительски-корыстное отношение к земле, грубо-материалистическое, лишенное всякой душевной теплоты, оно делает невозможным интимную связь с прошлым, с предками, убьет предание и воспоминание. Это верно по отношению ко всякому хозяйственному делу» (с. 215). Как трогательно! Дело ведь идет о страданиях помещика, оторванного от собственной земли, а не о муках каких-нибудь пролетариев — «низших типов людей». Этим хозяйственный идеал г. Бердяева выясняется совершенно. Он за современный монополистический капитализм, регулируемый твердой государственной властью, находящейся в руках дворянства и близкой ему крупной буржуазии. Такова его культура, претендующая на вечность.

В послесловии г. Бердяев заявляет, что его книга была написана в 1918 г. и что сейчас, хотя он и признает все ее положения, но выразил бы их с меньшей страстностью. И прежде всего он готов подчеркнуть, что основная задача книги не политическая, а духовная. Но мы уже от самого г. Бердяева узнали, что такое «духовное». Перенесение центра тяжести на «духовное» есть лишь признание политики еще несвоевременной. Но мы знаем, что ничего так пламенно не ждет г. Бердяев, как момента, когда его духовные громы могли бы превратиться в гром пушек интервенции.

Мы уже в начале заметки сказали, что книга г. Бердяева есть и знамение времени, и знамя класса. Последние десятилетия капиталистического развития привели к смене прежнего либерального капитализма капитализмом империалистическим. Вместе с этим выдвинулось вперед значение армии внутри и вне страны, увеличилось влияние дворянства даже в передовых капиталистических странах. Сама буржуазия, выполнив свою прогрессивную историческую роль, все более и более передвигается на позиции консерваторов. Эпоха революции поставила с особой отчетливостью в порядок дня необходимость

единения всех реакционных сил, бессилие парламентского государства сдерживать массы в повиновении. Союз аграриев с промышленником стал свершившимся фактом. Его знаменем явилась церковь, его врагом—марксистский пролетариат. Русская буржуазия и русское дворянство более всего получили опыта в этом отношении. Очутившись не у дел, их идеологи легче всего могут заняться подведением итогов. Г. Бердяев творит не только русское дело. Он созидает *русскую теорию европейской реакции*.

Поэтому мы и сочли возможным, может быть, слишком много внимания уделить столь пустому в теоретическом отношении «творению», как «Философия неравенства».

Впрочем, изложение ее может быть вместе с тем полезно и в другом отношении — оно должно показать всем колеблющимся, что их идеалы умерли. Излюбленные формы разоблачены самими их недавними жрецами. Другого выбора нет: либо черная ночь помещичье-буржуазной диктатуры, своим идеалом рисующей средневековье, либо борьба за грядущий день пролетарского социализма. Никогда так зловеще не качались весы Немезиды-истории, как сейчас. Бросить на них свои силы — долг всякого, кому дорого дело освобождения человечества, дело прогресса.

